

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВООБЩЕ И В РОССИИ В ОСОБЕННОСТИ

Статья Академика К.М.Бэра. Написана на немецком языке, а читана в собрании РГО 6 марта 1846 г. в русском переводе.

Если б богатый человек, желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделать для этого, – я отвечал бы: доставьте возможность исследованием России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание. Этим вы оставите по себе сочинение, которое никогда не может быть изменено и улучшено и с коим будут справляться самые отдаленные потомки, так как ныне мы ищем сведений в творениях Геродота и вообще в первых литературных произведениях народов. Если вы употребите ваши средства на разыскание по части наук естественных, то первое затем исследование поглотит плоды ваших трудов и они останутся известными только немногим ученым, по частности занятий каждого. С течением времени наука будет делиться на более и более частные отрасли и тем менее останется лиц, коим плоды вашей деятельности будут известны.

Если вы предоставите способы ваши собранию чисто исторических трудов, как например, сделал Румянцев, то конечно патриотическое намерение ваше заслужит признательность и самое изучение отечественной истории выиграет, ибо число исследователей увеличится; но рассудите, что вы не можете создать источников истории и что вам едва удастся сохранить от забвения, или утраты несколько данных; подумайте также, что кроме Румянцовского музея, публичные библиотеки уже много лет собирают запасы для истории России; спрашивается, можно ли сделать в этом отношении что-нибудь значительное, когда мы уже имеем богатые государственные архивы и археологические предприятия правительства.

Если бы выбор пал на топографические работы, то конечно в первое время пожертвование для них снискало бы большую признательность; но последствия их вскоре потеряли бы достоинство новости и верности, а неизменяемые данные вошли бы в состав изданной вслед затем карты.

Совсем другое представляет нам предприятие этнографическое, которое доставило бы данные будущим историческим исследованиям. Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, например Ливы и Кривинги.

Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям разных

племен ведется издавна и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится, а наконец и вовсе исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене. По этому все, что сделано будет для этнографии, сохранить по себе самое продолжительное воспоминание.

Богач, о коем я говорил, есть наше Географическое Общество. Оно желает собрать сведения о нашем отечестве, имея для этого немаловажные средства. Но оно должно желать, чтобы труды его были оценены в ученом свете и чтоб они имели достоинство постоянное. Посему не должно ли оно предложить себе вопрос: на какие исследования употребить прежде всего эти средства? И не следует ли отвечать: употребите их для работ такого рода, материал коих уменьшается с каждым днем, и коль скоро исчезнет, то уже никогда не может быть создан вновь, и притом таких, который будут вполне оценены отечественными и заграничными учеными и никогда не потеряют своей важности. – Посему я советовал бы употребить немедленно средства, коими Общество располагает если не исключительно, то по крайней мере преимущественно на этнографические исследования в России, если б только для этого не нужно было продолжительное приготовление. Но приготовление необходимо. Мы должны сделаться вообще более способными для этнографических работ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятий.

О средствах производства этнографических разысканий с основательностью и знанием человека, в нашем отечестве, столь различно населенном, буду говорить во второй части этой записки, а теперь постараюсь доказать, что предложение, которое я здесь высказал, как личное мнение свое, на вопрос будто бы богатого человека, желавшего сделать что-нибудь для отечества, вполне соответствует понятию, которое в ученом свете более и более распространяется, – и затем указать на условия, необходимый для основательности этнографических исследований.

Не нужно возвращаться для сего к древним, которые мало любило рассматривать особенности других народов в ученом отношении. Греки, гордые собственным образованием, называли других *варварами* и оставили только самые ограниченные сведения о просвещении других народов, коих мы знаем часто только имена, приводящие в недоумение историков. Римляне наследовали от Греков образованность и неуважение к народам менее просвещенным и находившимся в других общественных отношениях. Желание несколько ближе узнать их родилось уже после распространения пределов Империи и когда жизнь в Риме, вследствие разврата, неравномерного распределения богатств и частых переворотов правления, сделалась неприятною. – При таких обстоятельствах и с намерением, которое им соответствовало, было написано знаменитое

творение Тацита: *De situ et moribus Germaniae*, которое по справедливости можно назвать первым, несколько полным этнографическим описанием, ибо сведения оставленный нам Греками и Римлянами о других народах, крайне неполны и отрывчаты. Даже подробнейшие, как например, сочинение Геродота о Скифах, представляют картину только внешней жизни народа.

Нас завлекло бы слишком далеко, если б мы хотели писать историю этнографических исследований. Мы ограничиваемся желанием ясно представить, как в различное время и при различных отношениях, народы, почитавшие себя более просвещенными, смотрели различно на положение менее образованных. Каждому известно например, что в средние века народы западной Европы были твердо убеждены, будто положение всех не христианских племен есть самое ужасное и что обращение их в христианство, хотя бы оно совершалось мечом и огнем и хотя бы за ним следовало самое тяжелое и унижительное рабство, есть со всем тем не только христианский подвиг, но даже большое благодеяние для этого народа. Следуя этому духу, Испанцы почитали дурным все, что находили в Америке и почитали заслугой и правом уничтожать оное, а в половине XVIII столетия во Франции многие защищали и превозносили то самое, что было признано нестерпимым; в Германии же в тоже время распределяли так называемых диких только по их порокам. Мне не нужно напоминать, что в конце XVIII столетия, когда во Франции расторглись все узы гражданства, сочувствие к естественному, как тогда говорили, быту народов возросло до той степени, что уже не признавали благодеяний просвещения и советовали человеку возвратиться в положение животного. Левальян чувствовал себя счастливым только среди Готентотов, а Ж.Ж. Руссо, ревностный защитник природы, говорил, что обыкновение людей ходить на двух ногах противно природе, что ходить на четвереньках ближе к ней, есть первоначальный способ движения, и потому самому естественнее. Что же выведем из этих противоположных взглядов? По крайней мере, что различное общественное положение, в коем находятся члены большой человеческой семьи в разных странах, может быть представлено в самом разнообразном свете. Приведенные здесь примеры доказывают, что это весьма много зависит от личного взгляда на собственное свое положение. Если просвещение у нас процветает и если мы чувствуем выгоды собственного положения нашего, то степень меньшей образованности других кажется нам низкою. Таким образом болезненное сочувствие Французов к так называемым детям природы, столь всеобщее до революции, исчезло, когда под владычеством Наполеона укрепились новые отношения, после долговременных смут и колебаний. Перон и прочие последователи Бодена видели уже в диких племенах Австралии не более, как грубых людей, немного выше животного, без благородных чувствований человеческого сердца, род

хищных зверей, которые не схватывают добычу зубами, но издали поражают ее копьями. Не распространяясь о том, что низшая степень просвещения в других представляется нам всегда совершенно противоположно степени образованности, на которой мы себя считаем, пока мы не в состоянии властвовать над собственным суждением, – скажем только, что *наш взгляд на общественное положение других, к сожалению, слишком легко руководствуется одними чувствами, доколе мы не в состоянии составить суждение, основанное на науке.*

По справедливости можно сказать, что этнографические исследования возбудили в 19-м столетии не только всеобщее участие, но даже приблизились к цели несравненно возвышенной, учение и важнее той, которую они когда либо, прежде имели.

Это произошло частью от разнообразия нынешних отношений народов, частью от возбужденных чисто ученых вопросов, для разрешения коих нужны были разнообразные, и часто весьма многосложные исследования и наконец, вследствие политического стремления, которое, происходя от темного чувства, в течение времени повело посредством споров к ученому, или так сказать, философскому рассмотрению предмета.

Ученый вопрос, казавшийся сначала весьма простым, повел к более и более сложным изысканиям. Таким образом едва Кант, Мейнерс и Blumenбах показали существенный различия физической природы человека и разделили большое человеческое семейство на разряды, как с одной стороны, начали подразделять эти разряды по более частным различиям, а с другой находить другие, еще более общие отличительные черты между главными группами. Так, например, заметили, что формы богопочитания, или религии, самые возвышенные и наиболее распространившиеся, произошли от одного корня или первообраза у народов Кавказского или Индо-Европейского происхождения. Напротив того племя Негров нигде не возвышалось над жалким фетишизмом и если справедливо, что обожание солнца или религия Инков, произошла, как многие думают, в южной Америке без всякого влияния на нее с противоположных берегов моря Атлантического, то и тогда останется справедливым, что человек с цветной кожей, будь она черная, красная, или оливковая, нигде не распространил свои религии на другие племена, но часто принимал от них образ богопочитания. Еще разительнее различия общественные и политические. Организованную республику и умеренную монархию находим только в племенах Индо-Европейского происхождения. В Монгольском же племени, хотя история его доходит до самых отдаленных времен, и хотя некоторые искусства появились в Китае прежде чем в Европе, мы находим только пространное государство и полное развитие самодержавия, но нигде не видим ограничения самодержавия правительственными учреждениями; или же находим

только кочующих народов, без устроенного правительства. Племя же Негров нигде не представляет, по крайней мере в новейшее время, ни обширного государства, ни высокой степени образованности, и потому уже сомнительно, чтоб просвещение древнего Египта происходило действительно изнутри Африки, как некоторые заключали из того, что далеко на юг простираются пирамиды, коих строители неизвестны. В начале наук естественно было приписывать различие умственных способностей различию физического образования, когда видели, что в животных от телесного образования зависят прочие способности. Животное, коего желудок образован для сварения только травы, не имеет склонности пожирать других животных. Хищные звери не собираются в стада, а пчелы, питающиеся медом, напротив того всегда живут целыми роями; муравьи же, питающиеся органическими безжизненными телами, составляют, так сказать, правильное общество. Посему то зоологи, имевшие непрестанно в виду подобные различия, естественно приписывали умственные способности людей различно телесных свойств их и в особенности строению головы.

Притом нельзя отрицать огромного влияния свойств страны. Например, в степных пространствах старого света, от западных предгорий Сахары в Африке и до берегов Амура, мы видим кочевые племена, которые легко становятся разбойниками, если сильная рука земледельческого народа не удерживает их. Наше отечество указывает нам на разительное влияние подобных различий местности. В степях южной России мы находим кочевые племена с того времени, до которого доходит история. Едва рушилась там сила Татар, предводимых Монгольскими вождями, как появились выходцы Славянские, образовавшие общества казаков, которые жили грабежами и разбоями и едва могли быть усмирены царями Московскими. Подобно тому, как степные страны превращают жителей своих в кочевые народы, лесистые делают их охотниками, побережья моря рыболовами, затем морскими разбойниками и наконец купцами. В горах находим всегда решительных и сильных защитников родины, к какому бы племени жители ни принадлежали. Посему с уверенностью можно сказать, что условия, местности определяют главные различия способностей народа. Притом остается также справедливыми, что способности ума находятся в зависимости и связи с телесным образованием. В одной и той же стране живет Араб, который владычествовал над многими племенами и народами и энергически защищал свою независимость, и Негр, переходивший только в состояние рабства, но нигде не бывавший господином. Но какая огромная разница в характерах того и другого, не смотря на тождество климата и почвы! Без сомнения различия народов зависят от племенных врожденных особенностей и от влияния природных условий их положения. Присем рождается вопрос: те различия, которые мы почитали в народах

коренными, не произошли ли сами вследствие вышеуказанного влияния особенностей природы и теперь только медленно сглаживаются?

Этот вопрос ставит испытателей природы в большое затруднение, ибо число сделанных наблюдений, на основании коих можно бы решить это, доселе весьма ограничено. Мы знаем только, что в течении столетий Негры, переселенные в северную Америку, не сделались белыми, а Европейцы, поселившиеся в Африке, не получили ни черного цвета кожи, ни курчавости волос, ни плоского носа. Ученый с сожалением говорит, что если б древние оставили нам столь же подробный описания главных племенных различий, как они подробно описывали свои политические смуты, то мы с большею достоверностью могли бы сделать заключение об изменяющей силе природы. Еще многообразнее требования историка от современных народов. Этнография нашего времени представляет современную племена в живой картине того положения, в коем находились другие пароды, давно исчезнувшие, но о коем сохранились еще неясный сказания. Если сравнить у Бурхарда изображения невежественных, но гордых и гостеприимных Арабов, одаренных живым воображением, с описанием грубых, вялых и раболепных Калмыков у Бергмана и вспомнить, что в течение столетий Монгольские племена владычествовали над востоком, Арабские же над западом Европы, тогда как в средней части ее Германские народы попирали развалины Римского просвещения, из коих возникла новая образованность, — то живо представится сколь различно должно было развиваться просвещение на востоке, на западе и в средней Европе, Действительно, история, или по крайней мере история просвещения и этнография часто заимствуются одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку.

Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли. Таким образом, история образованности человечества, написанная Клемом, есть ничто иное, как изображение жизни народов в течение времен. — Но кроме всеобщих сведений о разных степенях просвещения, подробное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственных исторических данных. Все, что народ сохраняет от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям. Сюда мы отнесем: физические свойства народа, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, способы к жизни, жилища, посуду, оружие, язык, поверья, сказки, песни, музыку и пр. Даже часто местные названия дают достовернейшие сведения, чем подлинные документы. Таким образом мы имеем множество исторических сочинений новейшего времени, которые утверждают, что прежде Петра Великого Русские не знали судостроения, тогда как далеко в Ледовитом море лежит группа островов, известная под именем *Новой Земли*. Англичане и Голландцы, оспаривавшие друг у друга честь открытия их,

назвали их однако *Нова Зембла*. Что же это название, как не сокращенное и переделанное на иностранный лад Русское слово. В книге Большого Чертежа находим в исчислении мест по ту сторону Белого моря, до самого северного мыса, одни русские названия, в то самое время, когда Датские посланники приезжали просить царей Московских об удалении Русских поселенцев из Лапландии, потому будто бы, что они недавно проникли туда и что никогда не заходили далее Колы. В Новгородских летописях несколько раз упоминается название покоренной области – *Тре*, но сколько мне известно история не объясняет, где она находилась. Поморцы же Белого моря называют доселе противоположащий берег *Терским берегом*. Таким образом одно это слово дает нам понятие об огромности протяжения Новгородского государства на север. Далее, у нас нет никаких исторических сведений о том, кто основал на берегах Двины *Холмогоры*, но словопроизводство доказывает, что город основан Норманнами и есть *Холмград*, т.е. город на острове. Вдали от него, на берегу Адриатики, Венеция сохранила в своем имени доказательство, что она была некогда городом Венедов, или Вендов, и что в ней жил народ Славянского корня.

Но я никогда бы не кончил, если б вздумал подробно излагать, каким образом познание племен объясняет историю. Это было бы притом излишне, ибо каждый видит, что история человечества имеет два рода данных: одни, собранные на камне, пергаменте и бумаге, и другие, составляющие часть настоящей жизни народов. – Слишком долго занимались ученые только первого рода данными, как потому, что они были ослеплены важностью прошедшего, так и оттого, что новейшая наука родилась и скрывалась в монастырях средних веков. Только в прошедшем столетии стали обращать внимание на живые источники и только в 19-м веке убедились, что эти источники изменяются и истощаются. Могу заключить только замечанием, что исторический исследователь с величайшим усердием старается теперь подметить и сохранить самомаleastшие отличительные черты народности во всех отношениях. Он с удивлением видит, сколько было употреблено трудов и расходов и сколько еще теперь употребляется, чтоб разузнать прошедшее положение народа и как беззаботно в то же время пропускаюсь без замечания нынешние обстоятельства. Составлены целые собрания Египетских редкостей и употреблены на это миллионы. Даже здесь, возле нас (статья сия читана в малом конференц-зале Академии Наук), есть подобное, порядочное собрание; но я сомневаюсь, чтоб где-нибудь сохраняли Русскую балалайку, хотя через столетия настоящая балалайка конечно будет большою редкостью. Вообще из собственно Русских произведений едва ли мы найдем что-нибудь в музеях, кроме разве лаптей, которые Петр Великий подарил на память в Копенгагене.

Я сказал выше, что политическое направление имеет следствием оценку основательных этнографических сведений и считаю себя в праве

присовокупить, что политика теперь более чем когда либо нуждается в познании особенностей племенных. Политика есть искусство создавать, или направлять действительную историю государств. Посему задача ее чисто практическая. Но опыт научает, что это искусство, даже при лучшем желании, производит столько же злого, сколько и доброго, не только для отдельных лиц, но даже для целых народов. Посему, допуская даже, что администраторы желают доброго только своей стороне, то и тогда очевидно, что они должны основать свои действия на положительных, ясных началах и искать в науке основание своим искусственным операциям. Я не скажу, чтоб эта необходимость иметь твердое основание была повсеместно признана; но ее начинаю уже ощущать. Правда, что политика следовала доселе гораздо более темному чувству и еще долго будет им руководствоваться, но опытность постоянно будет приближать ее к основанию, которое дает наука. Я не буду говорить о тех мечтателях, которые надеются осчастливить человечество, одной какой либо формой общественного устройства, признаваемой ими безусловно за лучшую. Эта форма, будет ли она самодержавием, или монархией из трех составных частей, или патриархальный, пастушеский, так сказать, образ правления, но каждый согласится, что соответствуя одним обстоятельствам, каждая из них никуда не годится при других. Но я должен припомнить, что долго верили и теперь еще отчасти верят, будто приближение к просвещенным формам жизни, осчастлививает грубые народы и дает им скорое развитие, хотя распространение в последнее время Европейского просвещения, подтвердило это предположение только в немногих местах. Большое число народов других частей света не сделалась ни счастливее, ни лучше от сближения их с Европейцами. Некоторые исчезают, другие превращены в рабов, большая часть потеряла много радостей своей жизни, частью от уничтожения морального самосознания, частью от уменьшения средств к жизни. Никто не удивится, что народ тяготится и становится мрачным, если его средства к жизни уменьшены пришельцами, но долго удивлялись тому, как дикие, среди коих поселились Европейцы, не последовали тотчас же их примеру, не построили себе покойных жилищ и не стали искать в земледелии верного источника к жизни. Из этого заключали даже, будто в этих племенах есть врожденная злоба, или неспособность к развитию. Но основательное исследование скоро убеждает, что перемена в образе жизни народа тогда только может иметь место, когда она постепенно и медленно подготовлена, когда не прямо противоречит прежнему положению его, но естественным образом из него проистекает. Каждая внезапная перемена, требующая принуждения, действует на народ убийственно. Представим себе, например, Северо-Американского охотника, бродящего целый год по лесам за добычей, подверженного непогодам и часто голоду, но переносящего легко и то и другое по привычке с из детства, и при том человека гордого, свободного,

могучего, который во время истязаний врагом, еще смеется над ним и никогда не издаст стоны или жалобы; человека, который не заботится о будущем, ибо он знает, что все перенесет, чтобы оно ему ни представило. Затем, вообразим себе Европейского пришельца, который вырубает леса туземцев и уничтожая таким образом места, где они могли охотиться, советует им последовать его примеру и употребить на разрытие земли то железо, коим они поражали доселе зверей, советует разрыть ее для того, чтобы бросить зерно, которое через полгода принесет гораздо более зерен. Тогда они будут иметь хлеб и спокойно питаться им в теплых жилищах, не скитаясь более по пустыням. Но жителю Канады свобода лесов обратилась в потребность и ему кажется ужаснейшим рабством медленное возделывание земли, ожидание жатвы и наконец, пища, которая ему не нравится. Он предпочитает этому голодную смерть. Можно ли назвать это злобой с его стороны? Если бы например, куры вздумали убеждать гусей, что лучше не ходить в воду, ибо можно простудиться и получить насморк, но что гораздо спокойнее сидеть себе дома, где есть и вкусное зерно и жирный червяк на обед, то конечно мы посмеялись бы над курами, которые не знают, что физическое устройство гусей и склонности их совсем различны и что по этому они имеют другие наклонности и привычки. А между тем подобные проповеди часто встречаются между людьми и еще недавно стремление к этому было всеобщее.

Вышепоказанные печальные опыты должны однако повести к заключению, что народы грубые могут быть только постепенно приведены к высшей степени образованности. Изучение истории убеждает притом, что только там, где человек сохранил резкую особенность, целые племена жили одним образом и на одной и той же степени образованности, как например, в песчаных степях северной Африки и на берегах Ледовитого моря; но что везде, где возможны различные образы жизни, как например, на равнинах, там народы перешли без всякого понуждения из детства в юношеский возраст, возмужалость и наконец, достигали слабой старости. Причина сему должна заключаться в самой природе человека. Так как человек побуждается различными потребностями, из коих слабые тогда только действуют, когда сильные получили удовлетворение, — так и общественный условия и положение, хотя и медленно, но производят другие отношения. С полновластием господствуют в человеке животные потребности самохранения, побуждающие его утолять голод и жажду и закрываться от холода и непогоды. Когда они удовлетворены и не тревожат его более, тогда пробуждаются в нем с сознанием ума потребности эгоизма: желание выигрыша, увеличения богатства материального, стремление господствовать, искание славы, также желание нематериальных сокровищ и наконец влечение чисто умственное к удовлетворению высших потребностей — а отсюда поэзия и словесность. При недостатке в воинственном духе, человек ищет богатства усиленным

трудом; так например, Финские племена, по свидетельству истории и сказаниям саг, издревле занимались скотоводством и вместе земледелием. Если же народ имеет сознание своей силы, тогда он удовлетворяет грабежом свои потребности, но за грабежом следует отмщение, а потому те племена продолжают разбойничать, кои самую местностью как например, горами, или степными пространствами защищены от мести. Другие же вскоре получают сознание, что гораздо вернее, не подвергаясь мщению, выменивать, то что им нужно, на предметы, в коих другие нуждаются, и потому переходят к занятиям торговым. – С увеличением богатства рождается желание наслаждаться им различным образом и оттого происходит роскошь и тела и ума. Тогда засыпает любовь к независимости и уменьшаются средства защиты. Большое богатство распределяется в государстве таким образом, что оно скопляется в руках некоторых сословий, а другие чувствуют себя сравнительно еще беднее. Посему пролетарии составляют, как бы, непрременную принадлежность богатых государств и особенно богатых городов. При переворотах они могут только выиграть. Слишком богатые стараются посредством их обеспечить свою собственность. В тех и других является склонность к взаимному соглашению. – Так было по крайней мере у древних. В новейшие времена искусство книгопечатания сообщило народам совсем другую жизнь. Со всем тем остается не менее справедливым, что отношения и быт народный не могут скоро изменяться, не разрушая тем самым жизненных сил народа, и что жизнь государства также, как развитие органического существа, должна идти постепенно. Если бы мы стали понуждать растение к слишком раннему плоду, мы бы или убили его, или по крайней мере испортили бы. Тоже должно сказать и о развитии народа. Убеждение в том сделалось в наше время всеобщим, хотя мы и не знаем откуда оно происходит. Оно появляется везде, как зелень на лугах от неизвестного семени.

Необходимо однако иметь полное знание государственной жизни, чтоб найти настоящую постепенность, коей должно следовать в образовании народа. Познание это приобретается весьма медленно и медленно проходит к сознанию. Для этого совершенно необходимы сведения о многообразных формах жизни народной и о том, в какой степени они зависят от условий местности, племенных различий и умственных особенностей и как действуют на самосознание народа. – Между тем мы видим, что быт народный, соответствующий природе, все более и более изгоняется просвещением запада. Посему то еще настоятельнее является надобность сохранить для будущего, в верных описаниях, особенности народного быта, прежде нежели это будет поздно.

Я вполне чувствую, милостивые государи, что слишком поспешно старался представить вам многообразные причины, побуждающие к изучению особенностей народных, и потому, быть может, ни кого не

удовлетворил. Заимствуя доказательства мои из опыта, я не развил довольно философских оснований для тех лиц, кои привыкли размышлять об этих предметах, а для лиц, не занимавшихся наблюдениями особенностей народных, изложение мое было конечно слишком отвлеченно.

Позвольте мне поэтому, милостивые государи, представить вам в заключение несколько случаев из моей жизни, которые объяснят вышесказанное мною.

Во время посещения мною Новой Земли для изучения тамошних произведений, я был поражен строгостью, с коей промышленники следуют правилам, введенным обычаем. Эти правила исполняются точнее, чем писанные законы во всех государствах. Всеобщее в Русском народе обыкновение устраивать артели для общих промыслов, здесь доведено до высшей степени. Все промышленники одного судна составляють артель, в коей меня удивила власть хозяина, ибо хотя прежде плавания все промышленники равны ему и делаются опять равными по возвращении с промысла, но в течении 3-х месяцев, проведенных мною в море, я не видал ни одного случая неповиновения воле хозяина нашего судна и даже не слышал малейшего противоречия. Хозяин же этот был притом только половинщиком. Другой участник находился также с нами, но начальство предоставлено было первому, как более опытному моряку и потому товарищ его вовсе не вмешивался в распоряжения, а напротив того удалялся всякий раз, когда требовалось решиться на что-нибудь важное. Когда несколько судов сходятся в одной бухте, они никогда не мешают друг другу в промысле. Хозяин последнего прибывшего судна, немедленно по положении якоря, объявляет, желает ли он составить одну артель с прочими и сколько человек отправить на промысел, ибо добыча делится поголовно, или остается отдельной артелью. В первом случае хозяева составляют общий план промысла, а в последнем сговариваются, каким образом отправить своих людей по различным заливам. Никто один другого не обманывает ложными вестями, но каждый поступает *честно*, ибо промышленник, неизвестный за *честного*, не в состоянии составить артели и не может быть принят в нее. Я никогда не слышал, чтоб на Новой Земле в похвалу кого либо называли *добрым*, как бывает часто в России, но всегда *честным*. Только об исправнике Кольского уезда говорили, что он *добрый человек*. Это значило, что он не вполне правильно исполнял свои обязанности относительно выдачи паспортов в Норвегию. Наш хозяин вступил в артель с двумя другими. Я купил у них часть добычи, но так как лов был вообще не удачен, то последние пойманные звери продавались по весьма высокой цене. Так например, за морского зайца назначено было 40 р. Я согласился дать эту цену, но с тем, чтоб мой хозяин и люди его получили 20 р., а другие два судна по 10, потому что наши люди работали больше. Но он тотчас же возразил мне, что «этого

сделать совершенно невозможно, ибо они уговорились быть в одной артели, а сделанный здесь уговор должен исполняться, без исключений». – Мы видели на Новой Земле мышей, но долго не могли поймать их. Тогда я обещал 15-ти летнему сыну хозяина 1 р. серебром за первую мышь, которую он мне принесет, 50 коп. сер. за вторую и по рублю медью за следующих. – Вскоре Александр Афанасьевич принес мне мышь, но отведя в сторону убеждал с стесненным сердцем, чтобы, если я точно хотел дать ему деньги, не говорить о том его отцу, потому что и он состоит в артели. Я возражал ему, что ловля мышей, конечно, не относится к их промыслу, и что хотя морские звери, птицы и самые перья идут в дележ, но что за мышей с Новой Земли конечно с сотворения мира никто еще не дал копейки. – Я говорил это с полным убеждением. Это все так, отвечал он, но отец не позволит мне оставить себе деньги. Получив деньги честный мальчик не выдержал до вечера и рассказал отцу о полученном рубле. Этот рубль принадлежит артели, сказал отец, и должен быть разделен также, как и те, которые еще получишь. После он считал в Архангельске, в числе добычи от промысла, и пойманных мышей. Хозяин наш получил притом не много прибыли, ибо лов не был изобилен в этот год. Не менее удивила меня в этой стране всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности при совершенном отсутствии полиции и правителей. Избы, в коих укрываются временные жители Новой Земли, не имеют замков. Обыкновение это имеет, по-видимому, силу закона. Но из такой избы никогда и ничто не пропадало и если б вся артель вымерла, то и тогда наследники получили бы следующее им. Я сам видел избу, коей все жители померли от цинги. Это было известно, и многие промышленники ходили в нее, но вещи лежали там в том же порядке, как их оставили хозяева; только сих последних уже не было. Вещи эти состояли в мехах, которые в той стране равноценны деньгам; сверх того там был сундук с мелкими вещами и вместо замка с надписью: «*Этот сундук принадлежит работнику Нестору*». В конце лета отправились бывшие там промышленники в избу, чтоб вместе пересчитать все, что в ней оставалось и доставить наследникам. На вопрос: отчего происходит на Новой Земле такая верность собственности? – получаешь один ответ: *здесь не украдут*. Но закон обычая, препятствующий красть, простирается там еще далее. Если убитого зверя, по отдаленности от избы, не удобно тотчас же отнести туда, то промышленник втыкает возле него палку, что и служить доказательством, что зверь кому то принадлежит, что он оставлен с умыслом и потому неприкосновенен. Я сам видел лодку, привязанную на том самом месте, где за три года пред тем оставил ее штурман Пахтусов, который не мог взять ее с собой, потому что его судно расколотило льдом. Следовательно он бросил ее, но так как стоял еще шесть, к которому лодка была привязана, но никто и не смел взять ее. Вещь с подобным знаком считается неприкосновенною. Как-то на берегах Лапландии я нашел лодку

с сетями и разными рыболовными орудиями и возле наклонно воткнутое весло. Я хотел было опереться на него, как вдруг несколько промышленников бросились ко мне и просили не трогать весла, потому что *это грех*. Только впоследствии объяснили мне эти слова и уверяли, что если б я оставил на Новой земле часы, воткнув возле них палку, то их конечно никто бы не тронул. Неудивительно посему, что такие обычаи имеют там силу закона при спасении погибающих и погребении умерших. Например, кто найдет умершего, тот должен немедленно похоронить его, хотя бы терял чрез это благоприятное время для промыслов. Обыкновенное сие достойно полного уважения в стране, где все удобное для промыслов время не продолжается более 6-ти недель, из числа коих половиной нельзя пользоваться по причине дурной погоды. Таким образом едва выдаются 20 дней, в течение коих должно добыть на целый год пропитание для многих семейств. Тот самый промышленник, о честности коего я выше говорю, за три года перед моим приездом сопровождал казенного штурмана Пахтусова в плавании далеко на север от Новой Земли. Несколько больших льдин, сопровождаемых туманом, разделили их. Когда туман рассеялся, промышленник Еремин был в большом беспокойстве, ибо не видел более судна Пахтусова и хотя он не был связан с штурманом никаким условием, но пошел искать его и наконец нашел на небольшом острове. Судно Пахтусова было расколочено льдами. Люди спаслись на льдине и могли взять с собою только небольшое количество съестных припасов и небольшую лодку. Льдина пристала к острову, но до Новой Земли они не могли добраться. Радостно принял их промышленник к себе и разделил с ними съестные припасы свои. Пахтусов, желая воспользоваться остатком лета, просил Еремина уступить ему судно его со всем экипажем за 2000 руб. асс. – Еремин согласился и в начале зимы Пахтусов возвратился в Архангельск где вскоре умер. Тогда Еремин обратился с просьбой к начальству о выдаче ему 2000 р. – Его спросили, было ли заключено им с Пахтусовым письменное условие? Он с гордостью отвечал, что не подумал об этом, когда, найдя Пахтусова на пустынном острове, принял к себе его и всех людей с ним, кормил их, служил им и лишился добычи от целого летнего промысла, что впрочем многие из них живы и находятся в Петербурге и Архангельске. Еремину отказали по закону, что претензии на казне должны быть подтверждаемы бесспорными доказательствами. Впоследствии, по новому представлению, что казенные люди могут погибать прежде, чем промышленники на Новой Земле выучат законы и что тамошние обычаи не дозволяют им лгать, Еремину велено было выдать деньги, но не в виде должного, а как награду. Посему из помянутых 2000 руб. 10% были вычтены в пользу инвалидов, а он получил только 1800 р. Постигая, что долг к ближнему мог обязать его к пожертвованию целым летним промыслом для спасения погибающего, он никак не мог понять, за что он и другие промышленники

должны пожертвовать эти 200 р. принадлежащее им.

Можно представить себе в каком восхищении, виде промышленников Новой Земли, я прибыл потом к поморцам Белого моря. Но здесь меня уверили, что те же люди, столько честные, верные и бескорыстные далеко на севере, делаются хитрыми и лукавыми в сношениях с полицейскими властями. Там они почитают свои обычаи необходимостью, здесь же видят в законах только препоны, которые надобно обойти. Не знаю, справедливы ли жалобы Архангелогородцев, но они резко выражают разницу между *законами писанными* и *законами обычая*. Впрочем, законы обычая основаны не только на общей необходимости. Они зависят также от природных свойств человека. Так, например Араб считает кровавую месть священным долгом, но обязанности гостеприимства ограждают на время от оной и каждый, кто войдет в жилище его, пользуется защитой хозяина, хотя бы она стоила жизни сему последнему. – Если же случайный пришлец есть злейший враг хозяина, которому он должен отомстить кровью, то к чему обязывает Араба честь? Он должен убить врага, но обязан служить гостю. Посему Араб дает ему лучшего коня своего и советует спешить, ибо едва он скроется из виду, как гостеприимный хозяин отправится за ним в погоню. Бурхард рассказывает, что вор, который обкрадывал жилище Араба и выбежал оттуда, услышав приход хозяина, получал право на гостеприимство и освобождался от наказания, если только успевал прицепить к себе веревку, привязанную к шатру хозяина, ибо тогда он почитался под кровом этого шатра.

Я представил здесь, милостивые государи, только самые общие указания всей важности науки, которая занимается изучением особенностей народных. В другой раз постараюсь изложить вам то, что следовало бы сделать и что притом возможно сделать в этнографическом отношении для России.

Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности / К.М.Бэр // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 93-115.